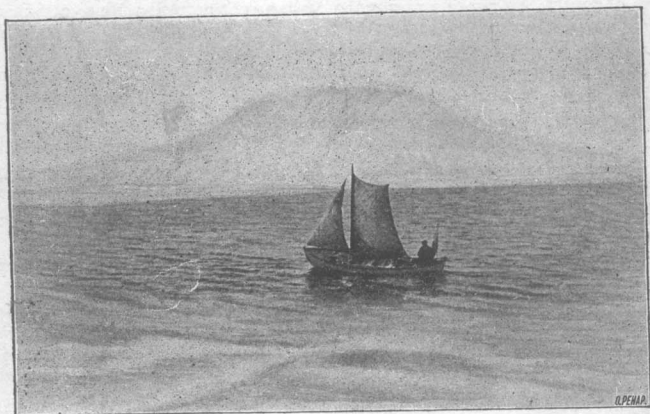

Ю Д И К Ъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ САМОѢДОВЪ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

Разсказъ К. Д. Носилова.

Второе издаііе.

Ю Д И К ъ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ САМОѢДОВЪ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

Н. Д. Носилова.

Съ 8 рисунками.

МОСКВА.—1911.

2007114111

Въ Ледовитомъ океанѣ, къ сѣверу отъ береговъ Европейской Россіи, есть два большихъ полярныхъ острова, раздѣленныхъ только узкимъ проливомъ и вмѣстѣ называемыхъ *Новой Зѣмлей*. Природа Новой Земли бѣдна и сурова. Весь сѣверный, бѣльшій островъ представляетъ сплошную ледяную пустыню, никогда не растаивающую и подобную ледянымъ пустынямъ Гренландіи. Южный островъ во время лѣта освобождается изъ-подъ снѣга. Но и тутъ встрѣчаются также ледники (въ сѣверной части) и неподвижныя *фирновыя* (ледяныя) поля, которыя никогда не растаиваютъ. Лѣто здѣсь бываетъ холодное, рѣдко болѣе 7—8 градусовъ тепла. Иногда въ лѣтніе дни случаются морозы и выпадаетъ снѣгъ. Зимой бушуютъ отчаянныя вѣтры и снѣжныя мятели. Но зимній холодъ здѣсь не такъ страшенъ, какъ можно было бы ожидать: морозы болѣе 30 градусовъ рѣдки. Холодъ тутъ смягчается теплымъ теченіемъ Гольфштрема, которое проходитъ вдоль западнаго берега Новой Земли.

На Новой Землѣ почти ничего не растетъ. Деревьевъ тутъ нѣтъ вовсе. Изъ кустарниковъ встрѣчаются только крошечныя ползучія березки и ивы, которыя лишь стелются по землѣ, поднимаясь вверхъ не болѣе какъ на четверть аршина. Иногда попадаютъ нѣкоторыя цвѣты и травы, но они не образуютъ сплошнаго ковра, а торчатъ поодинокѣ среди камней. Даже мохъ растетъ только кое-гдѣ клочками. Всюду виднѣются голый камень и щебень да горы—

такія же обнаженные или покрыты лишайникомъ. Мѣстами виднѣется и снѣгъ, не успѣвающій растаять во время короткаго лѣта.

На Новую Землю можно проѣхать только лѣтомъ. Зимой пловучіе льды окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ и отрѣзываютъ ее отъ всего свѣта.

Прежде на Новой Землѣ никто не жилъ. Только лѣтомъ пріѣзжали сюда русскіе и норвежскіе промышленники охотиться на моржей и тюленей. При наступленіи осени они спѣшили вернуться домой, чтобы не быть застигнутыми пловучими льдами. Если же кому-нибудь по несчастію приходилось зимовать на Новой Землѣ, то всѣ подобныя зимовки оканчивались печально: многіе умирали отъ цынги—страшнѣйшей болѣзни сѣвера.

Въ 1877 году на Новой Землѣ была устроена спасательная станція—на западномъ берегу ея, въ такъ называемомъ становищѣ *Малыя Кармакулы*. Здѣсь было поселено нѣсколько самоѣдскихъ семействъ, которыя должны были заниматься охотой и подавать помощь потерпѣвшимъ крушеніе и принужденнымъ зимовать на этомъ полярномъ островѣ. Впослѣдствіи сюда переселились еще другіе самоѣды, и въ настоящее время на Новой Землѣ существуютъ три самоѣдскихъ поселенія, въ которыхъ живутъ болѣе ста человекъ—взрослыхъ и дѣтей. Новоземельскіе самоѣды занимаются не оленеводствомъ, а охотой. Лѣтомъ они охотятся на моржей и тюленей; стрѣляютъ птицъ, которыхъ много прилетаетъ сюда на лѣто изъ болѣе теплыхъ странъ. Зимой они охотятся на бѣлыхъ медвѣдей и дикихъ сѣверныхъ оленей. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ переселяются на восточный берегъ, къ Карскому морю, гдѣ больше

попадаетъ животныхъ. Ъздать новоземельскіе самоѣды не на оленяхъ, а на собакахъ.

Во время лѣта на Новую Землю два раза ходятъ пароходы. Съ первымъ пароходомъ сюда приѣзжаетъ чиновникъ изъ Архангельска, который забираетъ у самоѣдовъ всю добычу, добытую ими въ теченіе года: шкуры звѣрей, моржовое сало и т. п. Все это онъ продаетъ въ Архангельскѣ и на вырученные деньги покупаетъ для самоѣдовъ необходимые запасы и разные другіе поручаемые ими предметы, которые и доставляются имъ со слѣдующимъ пароходомъ. Оставшіяся деньги идутъ отчасти на содержаніе колоніи, а отчасти передаются въ собственность самоѣдамъ, которые держатъ ихъ въ сберегательной кассѣ въ Архангельскѣ и тратятъ, на что хотятъ.

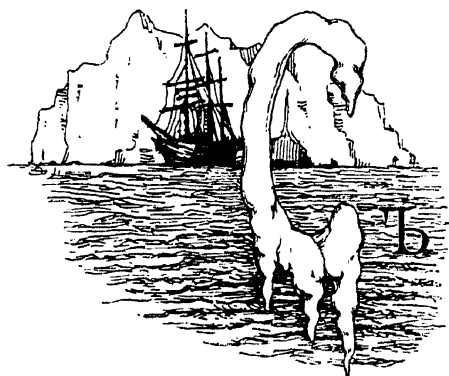
Главное изъ трехъ самоѣдскихъ поселеній на Новой Землѣ—становище *Малыя Кармакулы*. Здѣсь находится около десятка домовъ и небольшая деревянная церковь. При ней живетъ священникъ—іеромонахъ, а въ его домѣ помѣщается школа, гдѣ учатся всѣ самоѣдскія дѣти.

Такимъ образомъ, новоземельскіе самоѣды живутъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ собратья, кочующіе въ тундрахъ. Однако, несмотря на всѣ заботы о нихъ, жизнь ихъ среди полярной природы полна всякихъ случайностей. Переселяясь зимой, въ погонѣ за добычей, въ глухія, необитаемыя части острова, самоѣды подвергаются различнымъ опасностямъ и часто рискуютъ погибнуть отъ холода и голода. Подобный печальный случай и рассказывается въ исторіи „Юдика“—самоѣдскаго мальчика, вся жизнь котораго протекла на этомъ далекомъ полярномъ островѣ.

В. Л.

На Новой земль.

ЮДИКЪ.

I.

Юдикомъ, маленькимъ самоѣдомъ, я познакомился почти тотчасъ же, какъ только пріѣхалъ на

Новую Землю, на этотъ полярный сѣверный островъ Ледовитаго океана. Я пріѣхалъ туда, какъ путешественникъ, а Юдикъ жилъ тамъ со своими отцомъ и матерью.

Чумъ его отца-старика Оомы Вылки былъ рядомъ съ моимъ домикомъ; его мать, маленькая, веселая старушка-самоѣдка, вызвалась мнѣ служить съ перваго же дня, какъ только я высадился съ морского парохода на берегъ. И вотъ, мы съ Юдикомъ—не только сосѣди на этомъ островѣ, но и знакомые.

Скоро онъ запросто сталъ заходить въ мой кабинетъ; потомъ мы съ нимъ подружились, и черезъ мѣсяцъ я уже беспокоился, если его не видѣлъ въ дверяхъ своего кабинета, куда онъ сталъ приходить каждое утро, чтобы сообщить мнѣ о погодѣ и новостяхъ.

Погода—это было первое, потому что, судя по ней, еще валяясь въ кровати, можно было рѣшить:

можно ли сегодня отправиться куда на охоту или въ экскурсію; новости, хотя ихъ было мало, все-таки были новостями, потому что другихъ и не было на этомъ островѣ, который только два раза въ годъ сообщался со всѣмъ остальнымъ свѣтомъ.

Чумъ самоѣда Вылки.

Забѣжить рано утромъ ко мнѣ Юдикъ, скажетъ, что сегодня хорошая погода, вѣтеръ съ горъ пересталъ дуть, — и мы съ нимъ уже начинаемъ мечтать о поѣздкѣ въ море на лодочкѣ; скажетъ — худая погода, холодно и сыро, — и мы съ нимъ, не торопясь, начинаемъ пить чай, потомъ садимся обдирать шкурки разныхъ морскихъ птичекъ и готовить изъ нихъ чучела.

Это была любимая наша работа — составлять коллекціи. Юдику рѣшительно нечего было дома дѣлать,

потому что промышлялъ и кормилъ его пока отецъ, первый охотникъ на бѣлыхъ медвѣдей на всемъ островѣ, а онъ только такъ таскался съ ружьемъ на охотѣ. И вотъ любознательный мальчикъ скоро привыкъ ко всему тому, что я дѣлалъ на его глазахъ, и сталъ такимъ ревностнымъ препараторомъ, что я наполовину предоставлялъ ему дѣлать чучела.

Это его страшно занимало; онъ, видимо, страшно любилъ птицъ и на моихъ глазахъ порой придавалъ мертвой шкуркѣ птицы, напыленной на палочку и паклю, такой артистическій видъ, что она была словно живая: вотъ-вотъ или закричитъ или поднимется на воздухъ и выпорхнетъ изъ моего окна.

Благодаря этому, наша работа спорилась, и скоро въ моемъ кабинетѣ была масса чучелъ разнообразныхъ птицъ и звѣрьковъ этого замѣчательнаго полярнаго острова—и на полкахъ, и подъ потолкомъ, куда мы ихъ вѣшали просушивать, и на столахъ, и на полу. Мать Юдика, которую я просто звалъ „бабушкой“, только хлопала руками отъ удивленія, смотря, чѣмъ мы себя окружили. Она, разумѣется, не понимала, зачѣмъ мы такъ возмемся въ крови и перьяхъ, только пачкая полъ и мебель, которую ей приходилось постоянно чистить. Но для насъ это занятіе имѣло большое значеніе, и мы день-ото-дня окружали себя все новыми и новыми птицами и звѣрьками, и такъ сжились съ ними, такъ къ нимъ привыкли, что, кажется, кромѣ ихъ, ни о комъ не думали. Всѣ эти чучела, словно живыя, смотрѣли на насъ стеклянными глазками въ разныхъ позахъ: то словно сидя въ гнѣздѣ, то словно перепархивая съ камешка на камешекъ, то словно собираясь летѣть, подняться въ воздухъ. Они были не только

минуты дѣтскаго задумья такъ хорошо, что я часто думалъ снять такъ его на желатинную пластинку.

Онъ былъ уже не ребенокъ: ему, какъ говорила его мать, шелъ уже пятнадцатый годъ; но ни физически, по развитію, ни чѣмъ другимъ онъ еще не отличался отъ маленькаго мальчика, и блѣдный, съ слабымъ сложеніемъ, онъ скорѣе производилъ впечатлѣніе ребенка, словно эта полярная страна, гдѣ онъ родился, навсегда хотѣла его оставить такимъ хилымъ

Песець или полярная лисица.

и слабымъ, какъ почти все у ней изъ животнаго и растительнаго міра. Онъ рѣдко когда говорилъ: отъ него никогда нельзя было допытаться долгаго разсказа; на зато онъ такъ любилъ слушать, когда я что-нибудь рассказывалъ ему, словно всякое слово для него была нивѣсть какая важная новость... И я порой даже улыбался, видя, какъ онъ слушаетъ меня съ полураскрытымъ ртомъ и широко раскрытыми черными глазами, даже не моргая пушистыми рѣсницами.

И это совсѣмъ немудрено, потому что онъ ровно ничего не зналъ, кромѣ своего полярнаго, вѣчно въ снѣгу, острова, и птицъ, и звѣрей,—никогда не бы-

дороги намъ по воспоминаніямъ, какъ мы на нихъ охотились: гдѣ мы ихъ увидали, какъ къ нимъ подкрадывались, какъ стрѣляли, какъ поднимали ихъ съ морского берега или просто съ волнъ моря, на которыя онѣ падали, распластавъ крылья; но мы ими дорожили еще и потому, что мы надъ ними работали, ихъ оживляли, превращая почти никуда негодную шкурку въ какой-то артистическій предметъ, словно выходящій изъ нашихъ рукъ помимо даже нашей воли.

Однажды, я помню, мы съ Юдикомъ убили и начинили очень удачно бѣлую маленькую лисичку-песца и положили ее на нашъ диванчикъ въ позѣ отдыхающаго звѣрька. „Бабушка“ наша, войдя безъ насъ въ кабинетъ, такъ его испугалась, что моментально выбѣжала вонъ и больше уже не входила, пока мы не возвратились съ охоты. Она, въ простотѣ своей души, думала, что мы принесли его туда живого, и онъ готовъ броситься на нее, какъ только она зайдетъ въ нашу комнату. Я помню, когда мы рассказали ей, что это уже чучело, то даже и тогда она долго боялась, посматривая подозрительно на пушистую мордочку этого сердитаго звѣрька, словно опасаясь, чтобы онъ и въ самомъ дѣлѣ даже мертвый не бросился на нее и не перепугалъ ее, трусиху.

И, работая такъ въ кабинетѣ, наполняя день-отъ-дня его разными чучелами, бывало, я съ удовольствіемъ засматривался минутами на этого самоѣдскаго мальчика, который вертѣлъ въ рукахъ какую-нибудь птичку или зашивалъ ей брюшко нитками, чтобы не помять ея нѣжныхъ, тонкихъ перышекъ, или обдумывалъ, какую ей придать позу. И блѣдное личико его съ черными любопытными глазами и курчавыми прядями черныхъ, какъ смоль, волосъ было въ эти

валъ на материкѣ, никогда не видалъ нашей, даже деревенской жизни. Все это его страшно занимало, все это было для него такою же новостью, какъ намъ, людямъ материка, море и его островъ, затерянный въ Ледовитомъ океанѣ. Онъ постоянно меня спрашивалъ, останавливая въ разговорѣ: что такое купецъ, что такое церковь, что такое архіерей, какая это столица, и какъ тамъ живутъ люди, что ѣдятъ и чѣмъ промышляютъ... И я мало-по-малу невольно знакомилъ его, — раскрывая передъ его дѣтскимъ умомъ, который все запечатлѣвалъ въ себѣ съ такою вѣрой, — съ нашими городами, сословіями, народомъ, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и тысячей мелочей, то рассказывая ему, то показывая на фотографіяхъ и картинахъ.

Послѣднія были для него чѣмъ-то необыкновеннымъ, и онъ въ другое время съ какой-то особенной задумчивостью перелистывалъ мои иллюстрированные журналы, рассматривая тамъ картинки изъ бытовой жизни. Его занимало рѣшительно все, потому что все, что было у меня въ кабинетѣ, кромѣ нашихъ съ нимъ чучелъ, было для него новостью; и стоило мнѣ взять въ руки бумагу, какъ онъ уже допытывался, изъ чего и гдѣ и какъ ее дѣлаютъ; стоило мнѣ взять въ руки карандашъ, какъ онъ останавливалъ меня вопросомъ: какъ онъ пишетъ, и кто его изобрѣлъ?.. Ему было до всего дѣло, и онъ, расспрашивая меня, порой ставилъ въ такое положеніе, что я иногда долженъ былъ рыться въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ*), чтобы объяснить ему правильно то, что было нужно.

*) Энциклопедическій словарь — книга, въ которой дается объясненіе всевозможныхъ словъ, касающихся разныхъ наукъ, искусствъ, ремеслъ и т. д. Всѣ слова подобраны въ немъ по алфавиту.

Результатомъ всего этого было то, что онъ страшно пристрастился къ наукѣ, съ которой я его невольно такимъ образомъ познакомилъ, и уже, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, сталъ просить меня, чтобы я его научилъ читать и писать.

Отецъ его, старикъ-самоѣдъ Вылка, былъ грамотный, хотя это страшная рѣдкость среди самоѣдовъ; онъ научился читать, и то самоучкой, у какого-то бродячаго со стадомъ оленей зыряннина, и читалъ не иначе, какъ только по-славянски, разумѣется, не понимая и половины. Онъ научилъ читать и Юдика по-славянски, и Юдикъ тоже читалъ единственную книгу—псалтирь; но такъ какъ ни тотъ, ни другой не знали достаточно хорошо даже русскаго языка, не только славянскаго, то, разумѣется, читали развѣ только для того, чтобы читать, потому что это ихъ развлекало и доставляло большое удовольствіе ихъ старухѣ, которая страшно гордилась тѣмъ, что они грамотны, и любила сидѣть возлѣ нихъ и слушать непонятныя, новыя для нея слова.

Я, разумѣется, сталъ учить Юдика русской грамотѣ, и чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли онъ уже не только читалъ, но даже сталъ и понимать прочитанное, благодаря тому, что я ему объяснялъ всякое новое, мудреное для него слово.

Такихъ мудреныхъ словъ для него было пропасть: встрѣтится слово „лѣсъ“, и онъ уже не знаетъ, что это такое, потому что лѣса на его островѣ совсѣмъ не водится, такъ какъ островъ этотъ полярный; встрѣтится слово „лошадь“, и нужно ему показать ее на картинкѣ, чтобы онъ понялъ, что это за звѣрь, потому что они ѣздятъ на собакахъ; и такъ какъ на Новой Землѣ многого не было того, къ чему

мы привыкли съ дѣтства и знаемъ, то нужно было, уча его грамотѣ, посвящать его совсѣмъ въ новый міръ, словно онъ только что родился.

Скоро мой Юдикъ такъ погрузился въ любимое новое занятіе—чтеніе, что только и сидѣлъ съ книгой. Онъ даже спалъ съ ней, валялся на шкурахъ своего чума, и кажется, разставался съ ней охотно только тогда, когда я звалъ его съ собой въ экскурсію или на охоту.

II.

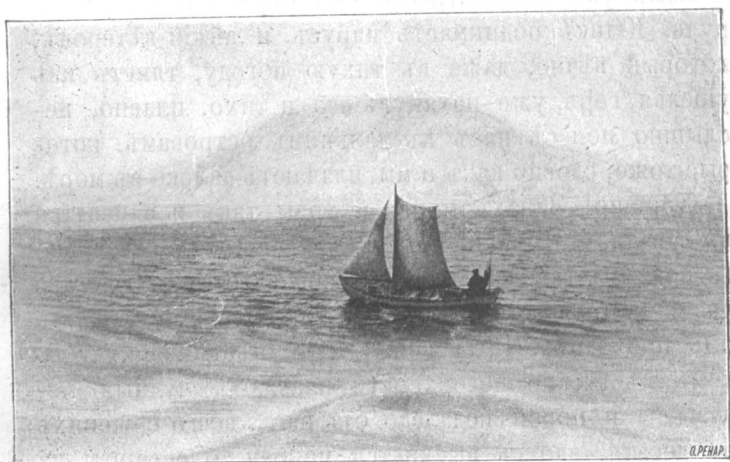
Охоту онъ любилъ страстно, и я, будучи самъ страстнымъ охотникомъ, всегда находилъ въ немъ не только хорошаго опытнаго проводника, но и товарища по охотѣ. А охотиться въ горахъ и на морѣ мы съ нимъ не упустили случая каждый разъ, какъ только этому благопріятствовала погода.

Скажетъ Юдикъ, что сегодня утро прекрасное и на морѣ тихо, и я уже вскакиваю съ постели и подбѣгаю къ окну, чтобы посмотрѣть на разсвѣтъ яснаго дня, который бываетъ весьма рѣдко на этомъ полярномъ островѣ.

И вотъ, начинаемъ торопиться: пьемъ наскоро чай, собираемъ патроны, чистимъ ружья, еще не опредѣливши, куда направиться: въ море ли на нашей легкой парусной шлюпочкѣ, или въ горы, гдѣ бродить порой столько дикихъ оленей и бѣгаютъ бѣлые песцы.

И вотъ, рѣшаемъ ѣхать въ море. Беремъ съ собой дорожный чайникъ и припасовъ на день, прощаемся съ книгами и кабинетомъ и выходимъ на улицу.

Боже, какъ хорошъ ясный день на полярномъ островѣ! Море, заливъ — какъ темное зеркало съ чуть-чутьдвигающимися, ровно-пологими валами послѣ вѣтра; дальніе острова словно спятъ на его синей поверхности, чернѣя и отчетливо обрисовываясь каждымъ мыскомъ, какъ будто тутъ нѣтъ и воздуха, а дальній горизонтъ моря такъ и слился въ какомъ-то легкомъ голубомъ туманѣ съ синимъ

Юдикъ на шлюпкѣ.

безоблачнымъ небосклономъ. Обернемся назадъ, а тамъ еще лучше того — стоятъ горы: воздуха совсѣмъ нѣтъ на цѣлыя версты, видно, кажется, каждый камешекъ; ближайшая вершина горы вотъ словно тутъ, и бѣлыя пятна снѣга, не успѣвающаго растаять за лѣто, такъ и блестятъ подъ лучами низкаго солнышка, разсыпая кругомъ себя ореолъ разноцвѣтныхъ лучей. Но тутъ — ни движенія, ни звука,

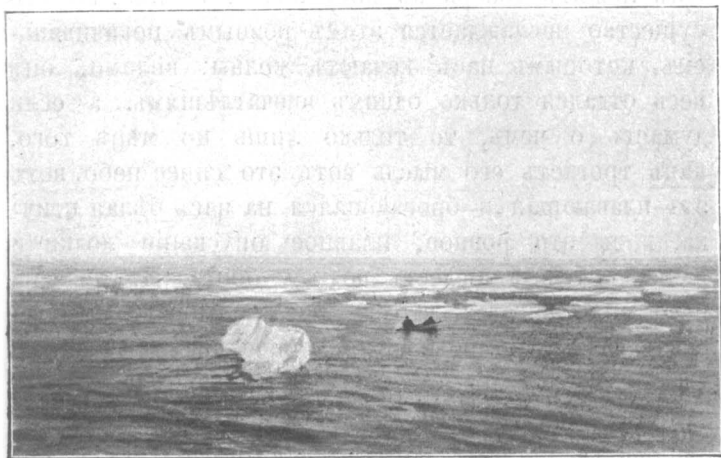
все мертво, пустынно, дико; а тамъ, въ морѣ, совсѣмъ другое, и насъ невольно тянетъ туда, къ жизни, движенію. Донесшійся въ воздухъ крикъ морской чайки, словно пѣсня какая, отозвался въ груди и заставляетъ сильнѣе биться сердце.

— Поѣдемъ скорѣе!—говоритъ Юдикъ, словно чувствуя удачную охоту. И мы бодро сталкиваемъ шлюпочку и ставимъ на нее маленькую мачту; теченіемъ уже насъ отнесло отъ берега. Я сажусь на руль, Юдикъ поднимаетъ парусъ, и легкій вѣтерокъ, который вѣчно, даже въ тихую погоду, тянетъ изъ ущелья горъ, уже натянулъ его и тихо, плавно, неслышно понесъ насъ къ дальнимъ островамъ, которые тоже, словно какъ и мы, плаваютъ далеко въ морѣ.

Хорошо! Запахъ морской воды такъ и вливается въ легкія,—дышишь полной грудью; шлюпка ровно то поднимается, взбѣгая на гребень тихаго, пологого океанскаго взводня-волны, — то опускается, когда онъ проходитъ. Вода синяя и темнѣетъ на глубокѣмъ мѣстѣ; по поверхности плаваютъ чудныя медузы, *) и порой недалеко отъ насъ, всего саженьяхъ въ десяти, вдругъ высунется мокрая, блестящая на солнцѣ голова тюленя, который уже любопытствуетъ: кто скользить по его вѣчно мирнымъ волнамъ, покачиваясь на бѣлой шлюпкѣ? Выплыветъ, высунетъ голову, постоять такъ нѣсколько секундъ, фыркнетъ, изогнетъ свою круглую, жирную, лоснящуюся спину и брызнетъ хвостомъ, скрывшись снова въ свое царство чудныхъ громадныхъ водорослей, гдѣ у него цѣлый тропическій садъ.

*) Медузы—небольшія морскія животныя; тѣло медузы представляетъ мягкій студенистый колоколь, со дна котораго свѣшивается внизъ соответствующій языку колокола—хоботокъ.

А мы плывемъ и плывемъ: неслышно, тихо подвигаясь, замѣчая свое движеніе только потому, что напротивъ насъ двигаются одна за другой громадные пологія волны, гдѣ-то далеко уже позади громыхающія о каменистый берегъ нашего острова, вспѣывая тамъ его воду.

Во льдахъ Ледовитаго океана.

Острова начинаютъ вырастать; съ моря доносятся голоса птицъ: кричитъ звонко морская чайка, доносится смутное воркованіе гагъ, и вотъ, около насъ уже начинаютъ съ крикомъ носиться, не то радуясь, что видятъ человѣка, не то предупреждая о насъ, бѣлые, легкія, увертливыя чайки съ черными головками и пріятнымъ, нѣжнымъ крикомъ, который не устаетъ никогда слушать.

Юдикъ пытливо слѣдитъ глазами за ихъ легкими, неслышными движеніями, слушаетъ ихъ, и по лицу

его, доброму лицу, видно, что онъ ихъ давно изучилъ, знаетъ всѣ ихъ движенія и любитъ ими, быть-можетъ, схватывая теперь тѣ моменты, которые особенно красятъ эту бѣлую воздушную птичку въ синемъ небосклонѣ, когда она падаетъ надъ нашей лодкой или на секунду останавливается въ воздухѣ. Онъ лежитъ теперь въ носу лодки; видимо, все его существо наслаждается этимъ ровнымъ покачиваньемъ, которымъ насъ качаютъ волны; видимо, онъ весь отдался только однимъ впечатлѣнiямъ, а если думать о чемъ, то только лишь по мѣрѣ того, какъ трогаетъ его мысль вотъ это синее небо, вотъ эта плавающая и бросающаяся на насъ бѣлая птичка, вотъ это ровное, плавное опусканіе лодки и шелестъ, тихій шелестъ воды у борта. И, глядя на него, мнѣ кажется, что лучшая колыбель, которая вскачала его съ рожденья, лучшее время его дѣтства—это поѣздки съ отцомъ на море, на охоту, гдѣ развился его умъ и пробудилась та страстная любовь къ природѣ, которая постоянно тянетъ его въ горы и въ море, которая постоянно зоветъ его къ себѣ, давая неограниченный просторъ и чувствамъ и уму.

Но вотъ, мы уже около острова и плывемъ мимо его отвѣсныхъ пѣнящихся береговъ. Они высоки, они всѣ изъ камня до самой вершины, и только тамъ видна глазу узкая полоска зелени, словно яркій бордюръ на этомъ темномъ фонѣ. На немъ — ни души, ни движенія; туда только изрѣдка развѣ опустится какая чайка съ добычей, чтобы ее растерзать на утѣсѣ; но зато какое движеніе, какая жизнь внизу, у розсыпи камней, постоянно омываемыхъ моремъ! Боже, сколько тутъ разнообразныхъ птицъ

плещется въ водѣ и ныряетъ, сколько летаетъ въ воздухѣ, сколько сидитъ на водѣ, качаясь на волнахъ!.. Это мѣсто, гдѣ больше всего можетъ питаться разная морская птица; это мѣсто, гдѣ больше

Скалы, занятая сплошь птицами (т. наз. „Птичій базаръ“).

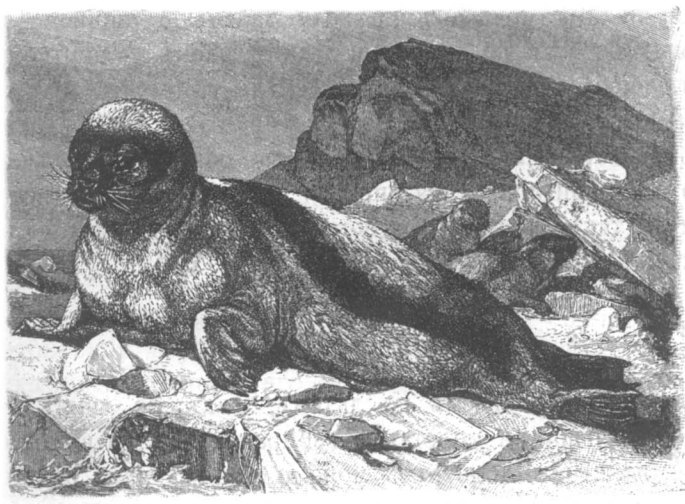
всего подходит мелкая рыба къ берегу и теряется въ роцѣ водорослей, которыми сплошь покрыто дно у такихъ морскихъ, выдвинутыхъ въ море острововъ. И мы плывемъ мимо черныхъ гагарокъ, которыя ныряютъ тысячами и кричатъ безъ умолку;

проплываемъ мимо цѣлаго стада морскихъ чаекъ, которыя кружатся надъ этимъ мѣстомъ. Лишь только какая-нибудь гагара вынырнетъ изъ прозрачной, голубой воды съ мелкой рыбкой во рту, какъ чайки стрѣлой налетаютъ на нее и отнимаютъ добычу. Вокругъ такъ и носятся надъ ними стада тупиковъ и другихъ птицъ, которыя любятъ такъ эти острова и рѣдко залетаютъ на нашъ берегъ.

Еще немного, и передъ нами разстилается уже безбрежное синее море, гдѣ видны только бѣлыя полосы пловучаго льда, да вода, да голубое небо, безъ конца, безъ границъ; и кажется, что въ центрѣ этого безпредѣльнаго пространства только мы одни съ Юдикомъ на своей маленькой лодочкѣ.

Тамъ, на пловучихъ бѣлыхъ льдахъ, спятъ на солнышкѣ тюлени. Юдикъ ясно видитъ ихъ простымъ глазомъ; но я этого видѣть не могу, беру бинокль и застываю въ очарованіи: передъ нами недалеко теперь видна громадная пловучая бѣлая льдина, съ горками голубого льда, въ которомъ играютъ лучи солнца. Она вся отразилась въ водѣ и смотрится въ нее всѣми своими выступами, всѣми своими неровностями, со всѣми оттѣнками лазури; на ней, у самой воды, мирно спитъ большой черный тюлень, шкурка котораго уже высохла на теплыхъ лучахъ солнца и блеститъ, серебрится, кажется, каждой сѣдой шерстинкой. Онъ нѣжится, онъ даже повернулся своимъ бѣлымъ брюшкомъ къ солнцу, — такъ пріятны ему его лучи, и короткіе ласты его, словно рукавички у туловища, то топорщатся, какъ бы захватывая это тепло въ прозрачномъ свѣжемъ воздухѣ, то безпомощно опускаются, скользя вдоль сизой его шкурки.

Онъ спитъ, а Юдикъ уже проснулся отъ забытья и созерцанія и теперь сидитъ со своей винтовкой, зорко сторожа первое его пробужденіе, чтобы пу-
стить въ него пулю. Я правлю прямо на эту льдину; шлюпка неслышно подходитъ ближе и ближе; льдина тихо покачивается, отражаясь въ водѣ, и животное, лѣнливое, игривое животное, уже можно разсмотрѣть все невооруженнымъ, простымъ глазомъ. Я спускаю парусъ; шлюпка тихо подходитъ еще ближе къ тю-

Тюлень.

леню; Юдикъ и я застываемъ въ страшномъ моментѣ, ожидая, когда животное пробудится и увидитъ подь носомъ врага. Тюлень не просыпается. Юдикъ мед-
литъ спускомъ курка и оглядывается на меня, словно указывая, какъ хорошъ этотъ тюлень среди родной обстановки... Но вдругъ онъ встрепенулся и поднялъ

голову; мы видимъ его большіе, черные, испуганные глаза, которымъ онъ словно еще не вѣрить, и выстрѣлъ, оглушительный выстрѣлъ, съ дымомъ и огнемъ, раздается съ носа и на секунду застилаетъ все, чѣмъ мы только что любовались, едва переводя дыханіе. „Молодецъ, Юдикъ!“ кричу я и вижу, какъ безжизненно распластался на мѣстѣ тюлень, едва вздрагивая своей пушистой, серебристой шкуркой и окрашивая ледъ красной кровью тамъ, гдѣ лежитъ его безпомощная голова. Юдикъ живо выскакиваетъ на льдину, бросаетъ на ходу маленькій якорекъ, и мы оба уже на пловучей льдинѣ, идемъ къ мертвому тюленю и останавливаемся, слѣдя за его судорожными подергиваніями кожи, которая такъ и блеститъ, отливаетъ на солнцѣ. И намъ совсѣмъ не жаль этого убитаго звѣря, потому что впечатлѣнія отъ него такъ полны, такъ богаты, что ихъ не забудешь, кажется, во всю жизнь.

III.

Мы разгуливаемъ по льдинѣ, какъ по землѣ,—она большая и толстая,—взбираемся на ея высокіе бугры, чтобы осмотрѣть море, и съ нихъ намъ видно, хорошо видно, множество такихъ же, какъ наша, другихъ льдинъ, и сколько тамъ звѣрей и птицъ лежать и сидятъ на нихъ къ качествѣ пассажировъ! Чудная картинка! Вонъ тамъ сидитъ на льду цѣлое стадо гагъ, и къ намъ доносится ихъ воркованье; тутъ, ближе, на обрывѣ льдины, лежатъ такіе же, какъ нашъ убитый, тюлени; тамъ плещется въ водѣ стадо люриковъ,*) тутъ пищитъ другое — черныхъ

*) Люрикъ и чистикъ—новоземельскія птицы.

чистиковъ, которые словно сошли съ ума, радуясь теплему рѣдкому дню, и гоняются другъ за другомъ, раскрывъ широко свои красные клювы.

Сколько красокъ въ этой картинкѣ, сколько свѣта отъ этихъ льющихся на море лучей! Юдикъ застылъ передъ этой чудной картиной его родины, хотя онъ видѣлъ ее, быть-можетъ, въ сотый разъ. Я завидую ему, что онъ вѣчно живетъ на этомъ островѣ, любуется такими картинами природы, не зная нашей бѣдной, скучной жизни, гдѣ никогда, проживи цѣлую жизнь, ничего не увидишь подобного, развѣ только когда въ театрѣ, въ какой-нибудь волшебной фееріи, при искусственномъ огнѣ, на одинъ моментъ. А здѣсь эта картина въ миллионъ разъ больше и свѣтлѣе и величественнѣе...

И, смотря на него, мнѣ становится понятнымъ и его задумчивость, взятая съ этой картины, и его чистый взглядъ, словно отнятый отъ этой лазури неба.

Эта картина, этотъ океанъ, эта жизнь моря, этотъ потонувшій позади насъ гористый островъ безъ воздуха—единственная его школа, гдѣ всѣ знанія, всѣ впечатлѣнія не вдалбливаются въ его свѣжіи мозгъ, а просто струей, неудержимой струей, вливаются въ его душу и поднимаютъ ее, отрываютъ отъ земли. И мнѣ бы никогда не хотѣлось, чтобы онъ зналъ что-нибудь больше, кромѣ этого полярнаго міра, больше этого своего острова, который онъ знаетъ въ совершенствѣ, какъ мы никогда не знаемъ своего собственнаго села, своихъ сосѣдей, всего насъ окружающаго, порой съ удивленіемъ, съ очарованіемъ останавливаясь на прогулкахъ даже около своего жилища надъ тѣмъ, что насъ поразило, очаровало въ природѣ.

И, дѣйствительно, случилось такъ, что онъ не узналъ, кромѣ этого, ничего уже на свѣтѣ, хотя бѣдняга страшно желалъ, рвался увидать свѣтъ, быть можетъ, воображая, что онъ такъ же всюду хорошъ, какъ его полярная, чистая, безкорыстная родина съ разнообразіемъ и вольной жизнью дикаря.

IV.

Это случилось въ первую же зиму, какъ только я пріѣхалъ на этотъ полярный островъ.

Я задумывалъ уже вывести Юдика на слѣдующее лѣто въ Архангельскъ, чтобы показать ему чудеса нашей жизни, которымъ страшно удивлялся и рвался его пытливый умъ; онъ уже много прочиталъ и узналъ изъ моихъ рассказовъ, онъ уже мечталъ объ этой поѣздкѣ, — какъ случилось нѣчто совершенно неожиданное даже для жизни самоѣдовъ.

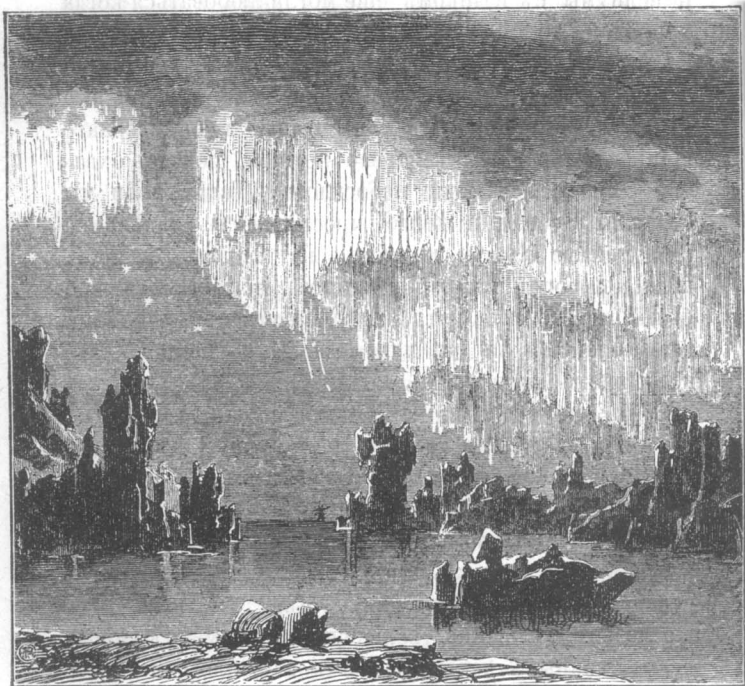
За промелькнувшимъ лѣтомъ, короткимъ полярнымъ лѣтомъ, наступила сразу зима; наши горы покрылись снѣгами и сугробами, нашъ заливъ замерзъ и подернулся синимъ льдомъ; потомъ и на него нанесло массу снѣга, и скоро мы ровно ничего не видѣли, кромѣ бѣлаго необозримаго снѣга, только съ горъ разсматривая узкую полосу синей незамерзающей воды океана, которая еще говорила немного о томъ, что мы видѣли раньше, чѣмъ мы такъ восторгались лѣтомъ.

Эти льды угнали изъ нашихъ глазъ море, этотъ снѣгъ совсѣмъ скрылъ отъ насъ и то, что мы видѣли въ голыхъ горахъ; а полярныя сумерки вмѣсто зимняго нашего сѣраго дня; полярная ночь совсѣмъ, казалось, скрыла отъ насъ и остальной міръ, погру-

живъ насъ во мракъ трехмѣсячной суровой ночи. Зашумѣлъ буранъ; стужа, страшная стужа, сковала камни и море. Ночь все сокрыла отъ нашихъ глазъ, и если мы съ Юдикомъ еще могли любоваться когда природой, то только выходя ясною ночью на улицу и смотря на синее небо, по которому или тихо плыли ясныя звѣзды, словно застывши тоже отъ мороза на небѣ, или бороздили лучи, чудные лучи сѣвернаго сіянія, которое, какъ зарево пожара, подчасъ охватывало весь небесный небосклонъ. Такія ночи мы страшно любили и долго просиживали, надѣвъ на себя теплые оленьи костюмы, на нашемъ сугробѣ, куда мы порой выходили и днемъ, если такъ можно было пазвать чуть-чуть замѣтный разсвѣтъ зари, показывающейся на два или два съ половиной часа на южномъ горизонтѣ.

Тамъ, на сугробѣ, на обрывѣ берега, мы уже не говорили, а только слѣдили и думали; тамъ нельзя было ни о чемъ говорить и думать о чемъ другомъ, кромѣ того, что видѣли, точно такъ, какъ не говорить и не думать ни о чемъ другомъ въ театрѣ, когда видятъ или слышатъ что-нибудь очень интересное. Сѣверное сіяніе—это былъ для насъ тотъ же театръ, только въ увеличенномъ видѣ, гдѣ вмѣсто искусственныхъ декорацій намъ служило само небо, гдѣ, казалось, только недоставало ангеловъ, чтобы мы услышали ихъ пѣснь. Мы затаивали дыханіе, когда невидимая рука раскрывала намъ самое небо; мы едва вѣрили своимъ глазамъ, когда передъ нами развертывалась отъ края и до края горизонта на синемъ небѣ разноцвѣтная, вздрагивающая лента сіянія; у насъ застилало въ глазахъ слезами, когда передъ нами начинали двигаться, кружиться, скры-

ваться и снова выступать огненные разноцвѣтные столбы; мы плакали, когда загоралось краснымъ огнемъ все небо... И нашъ островъ, полярный островъ,

Сѣверное сіяніе, въ Ледовитомъ океанѣ.

потерянный въ этотъ міръ чудснаго, съ его снѣгами и снѣжными горами и далеко шумящимъ моремъ, казался такимъ милымъ и дорогимъ, что мы въ эти минуты едва ли его промѣняли бы на какой другой край, даже тропическій, только изъ-за этой небесной

картины. И минутами, когда надъ нами вспыхиваль особенно ярко синій огонекъ, разгоралась волнующаяся лента, мы почти не узнавали знакомую лѣтомъ картину,—когда наши горы вдругъ обливались синимъ свѣтомъ, когда наши льды моря вдругъ словно вспыхивали, какъ вспыхиваетъ темной лѣтней ночью окружающее насъ при яркомъ свѣтѣ молніи на секунду. Тогда мы закрывали глаза, чтобы навсегда удержать и этотъ тихо-мерцающій свѣтъ, и эти озаренные льды моря, и эти очаровательныя горы, которыя, словно нарочно, показало намъ это чудное сѣверное сіяніе въ томъ видѣ, какой даже не можетъ нарисовать намъ воображеніе. И мы лежали, слѣдили за этой игрой неба долго, молча, неподвижно, замерзая и даже не чувствуя, что намъ холодно, что мы дрожимъ...

Но это были рѣдкіе моменты нашей жизни; ясное звѣздное небо покрывалось тучами, съ горъ начиналъ дуть страшный вѣтеръ, въ воздухѣ начиналъ кружиться снѣгъ, и природа, показавъ намъ это зрѣлище, словно торопилась опять принести намъ стужу и ужасъ полярной ночи.

Въ такіе дни и ночи было даже страшно выходить на улицу. Въ воздухѣ стояла одна снѣжная пыль, захватывающая дыханіе; нашъ домикъ дрожалъ и трясся отъ порывовъ, страшныхъ порывовъ вѣтра. Кругомъ ничего не было видно даже на сажень, и холодъ прохватываль наше тѣло, словно на насъ со-всѣмъ не было одежды. Въ такіе дни, случалось, мы даже не выходили изъ дома; въ такіе дни мы даже не знали, что дѣлается въ какихъ-нибудь десяти саженьяхъ отъ дома, въ чуму у сосѣдей; въ такіе дни мы даже не смѣли выглянуть на улицу, потому что

между нашими домами вѣтеръ накидывалъ такіе сугробы, что они были вровень съ нашими крышами. И только, бывало, попробуешь высунуть за дверь свой носъ, какъ тебя или обдастъ цѣлой горстью снѣжной пыли и запорошитъ глаза, или просто броситъ и понесетъ по гладкому убитому вѣтромъ снѣгу въ сторону, откуда уже трудно было попасть въ домъ.

Эту зиму стояла на диво бурная и снѣжная погода. Наши дома еще съ ранней осени занесло снѣгомъ. Передъ моимъ окномъ былъ такой сугробъ, что мы не видали неба, и мы съ Юдикомъ сидѣли почти все время со своими книгами и чучелами въ кабинетѣ, и только изрѣдка выходили на улицу, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и размяться.

Это было довольно тяжело: хотѣлось свѣта и воздуха, хотѣлось хотя на минуту еще увидѣть солнце, которое давно уже скрылось и теперь только показывало намъ порой свою зорю, то въ блѣдно-голубомъ видѣ, то розовую съ легкими облачками, какъ вотъ теперь, зимой, она видна въ ранніе часы утра, окрашивая слегка горизонтъ на востокъ и наше окно съ чудными узорами мороза.

Но все это было бы еще ничего, если бы самоѣды достаточно заготавливали мяса тюленей и оленей, которыми они почти исключительно питаются; но самоѣды безпечны и рѣдко запасаютъ провизію на зиму. На нашемъ островѣ наступилъ голодъ: олень куда-то отшатился въ сторону, къ другому берегу; лѣды угнали тюленя дальше въ океанъ, и наши самоѣды, а въ томъ числѣ и отецъ Юдика—старикъ Оома Вылка, сидѣли почти на одномъ хлѣбѣ и чаѣ, скучая о свѣжемъ кускѣ мяса. Погода, какъ на зло, не унималась всю осень, и вотъ только что насту-

пили зимніе тихіе дни, какъ наша маленькая колонія поднялась на ноги и стала расходиться, разъѣзжаться по сторонамъ отъ этого негостепріимнаго берега. Самоѣды одинъ за другимъ собирались артелями и ѣхали кочевать на другую сторону острова. Скоро и старикъ Тома, какъ я его ни упрашивалъ остаться зимовать со мной въ колоніи всю зиму и не разлучать меня съ Юдикомъ, сталъ собираться въ дальній путь, за сто верстъ, на берегъ Карскаго студенаго моря.

Тамъ онъ зимовалъ уже не одинъ разъ; тамъ, по его словамъ, теперь должны быть непременно олени, и онъ упорно стоялъ на своемъ, несмотря на то, что оттуда неслись несовсѣмъ успокоительныя вѣсти: говорили, что будто бы олень ушелъ на эту зиму на другой сосѣдній островъ, и тамъ, на берегу Карскаго моря, такъ же голодно и холодно, какъ и здѣсь, на берегу Ледовитаго океана.

Но старикъ былъ упрямъ, и вотъ однажды, въ сѣренькое утро, когда пересталъ дуть горный вѣтеръ, ко мнѣ заходитъ невеселый Юдикъ и говорить, что сегодня они ѣдутъ, и что старикъ уже укладывается, готовый пуститься съ нимъ въ дальній путь; онъ увозить съ собой и мою добрую бабушку, которая такъ любовно за мной ухаживала со дня моего пріѣзда.

Я вышелъ проститься со стариками, пожать руку Юдика, прося не забывать меня тамъ и поскорѣй дать мнѣ вѣсти объ ихъ жизни.

Пара санокъ, запряженныхъ собаками, тронулась въ горы, чуть-чуть видимыя въ темнотѣ полярнаго дня. Собаки завyli, старикъ Тома взялъ длинный шестъ, которымъ онъ правилъ, Юдикъ вскинулъ на плечо ружье, санки двинулись, бабушка присѣла на

нихъ, на свой багажъ,—и черезъ минуту-двѣ они уже скрылись всѣ въ темнотѣ полярнаго дня, словно растаявъ въ этомъ сѣромъ воздухѣ. Я посмотрѣлъ въ ихъ сторону, послушалъ и отправился снова въ свой кабинетъ, который словно осиротѣлъ съ этой печальной минуты.

V.

Прошелъ день, прошелъ другой, начались бури; я погрузился въ свои ^{обычн}ыя занятія. Юдикъ, его мать и добрый старикъ Оома съ вѣчно всклокоченными волосами и съ очками на глазахъ, какимъ я его болѣе всего въ послѣднее время видѣлъ за псалтирю, рядомъ съ своею старушкой,—всѣ они казались мнѣ точно въ сновидѣнїи, начиная отходить въ область прошедшаго.

Потянулись недѣли, прошелъ мѣсяцъ, но вѣстей отъ Юдика никакихъ; и самоѣды, изрѣдка возвращаясь съ того берега, куда ушелъ старикъ Оома, только приносили одиѣ печальныя вѣсти, говоря, что они тамъ чуть не умираютъ съ голода.

Около Рождества, когда наступила уже настоящая полярная безпросвѣтная почъ, и начались сильные морозы, самоѣды стали поговаривать уже о томъ, живъ ли старикъ Оома Вылка. Вѣстей отъ него никакихъ, и порой, сидя съ самоѣдами въ своемъ кабинетѣ и въ разговорахъ вспоминая о старикѣ, мы какъ-то невольно всѣ вдругъ замирали и притихали, словно предчувствуя что-то недоброе съ этой семьей.

Но ѣхать туда было невозможно: никто не зналъ, куда могъ уйти этотъ своенравный старикъ; островъ великъ, слѣдовъ его не отыщешь,—и мы стали ждать,

горько сожалѣя, что отпустили его отсюда, гдѣ все-же нельзя было умереть отъ голода или стужи.

Пришло Рождество, наступили святки, какъ вдругъ ночью, когда я спалъ, въ мою комнату ворвалась самоѣдка и разбудила меня страшнымъ шопотомъ...

— Баринъ, баринъ, вставай! Ома явился... при-тащилъ мертвого Юдика... Чуть живы... голодны... пропадаютъ...

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Я думалъ, что это сонъ, кошмаръ, но это была дѣйствительность. Мой песъ вдругъ завылъ, словно заслышавъ что-то недоброе, и я не помню, какъ накинулъ на себя второпяхъ одежду, захватилъ первую бутылку красного вина, фланель и бросился въ сосѣдній домикъ, откуда прибѣжала эта женщина.

Бѣгу за ней, забѣгаю въ ея сѣни,—она говоритъ:

— Вотъ здѣсь, на порогѣ, его нашли, Ому-то... Лежитъ, стонетъ... Собаки уже залаяли, такъ вышли... А Юдика—у дверей, на улицѣ... Едва ихъ принесли въ избу...

Въ сѣняхъ полно собаками; мы едва протискиваемся мимо нихъ, и я вбѣгаю въ полутемную избу, освѣщенную единственнымъ мерцающимъ ночникомъ, который горитъ гдѣ-то на полкѣ, распространяя душливую копоть. Изба полна самоѣдами; всѣ стоятъ около передняго угла паръ, и мнѣ ровно ничего не видно изъ-за спинъ и всклокоченныхъ заспанныхъ головъ.

Растолкавъ народъ, я пробился въ передній уголъ и остановился въ ужасѣ. Предо мной, прислонившись къ стѣнѣ, прикрытый какой-то оленьей шкурой, голый, со страшно грязнымъ тѣломъ, съ дикимъ выраженіемъ глазъ, съ всклокоченными волосами,

сидѣлъ какой-то старикъ, сѣдой, страшный старикъ, въ которомъ почти ровно ничего не было похожего на Оому Вылку. Щеки его были сплошь отморожены и покрыты какими-то черными пятнами, вѣроятно, отъ дыма и грязи, носъ совсѣмъ почернѣлъ, а лицо, тѣло, скорченные ноги—были до того худы, грязны и черны, что страшно было смотрѣть...

— Оома, Оома!—прошепталъ я.

Старикъ меня призналъ и протянулъ мнѣ изъ-подъ оленьей шкуры до того худую, черную, страшную волосатую руку, съ отмороженными скорченными пальцами, что я не рѣшался ему подать своей... При этомъ движеніи оленья шкура скатилась съ его плечъ, и я увидалъ передъ собой такое костлявое тѣло, что въ ужасѣ отшатнулся...

Оома, бѣдный старикъ, замѣтилъ это и, не дожидаясь вопроса, что съ нимъ такое случилось, чуть слышно, шевеля раздутыми отъ мороза губами, прошепталъ:

— Пропали мы, совсѣмъ пропали!.. Бѣда!.. Какъ ужъ дошли—не знаю, не помню... Отощали...

И Оома, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, какъ-то по-стариковски, тяжело застоналъ тонкимъ голосомъ и вдругъ заплакалъ и повалился къ стѣнѣ, о которую опиралось его тощее тѣло.

— Юдикъ, Юдикъ гдѣ?—вдругъ бросилась мнѣ въ голову страшная мысль, и отъ предчувствія сжалось сердце.

— Вошъ тамъ!—сказалъ кто-то мнѣ въ отвѣтъ. Толпа разступилась передъ другими нарами, рядомъ, и я увидалъ на нихъ какую-то совсѣмъ незнакомую фигуру, скорчившуюся, полуголую, тоже прикрытую только шкурой оленя. Эта фигура, не обращая вни-

манія ни на что, глодала мерзлую сырую оленью ногу...

— Юдикъ, Юдикъ!—бросился я къ нему. Но онъ молчалъ и продолжалъ свое дѣло, держа кость немовѣрно тощими, черными отъ грязи руками у самого своего рта.

Я дотронулся до его худого плеча, спросилъ о чемъ-то; но онъ, словно сумасшедшій, пробормоталъ мнѣ что-то, вѣроятно, не узнавая меня.

„Боже мой, онъ сошелъ съ ума!“—подумалъ я, и съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ на эту скорчившуюся на корточкахъ страшную фигуру своего друга, который теперь походилъ скорѣе на голоднаго звѣря, чѣмъ на человѣка: онъ былъ занятъ только тѣмъ, что было въ его рукахъ, лишенный, видимо, разсудка.

Я попросилъ самоѣдовъ, чтобы отняли у него кость: я сталъ говорить имъ, что теперь ему ѣсть много опасно, что они умрутъ, наѣвшись досыта сразу, что имъ лучше нужно дать чаю, вина. Но самоѣды молча стояли съ вытянутыми лицами, видимо, еще не приходя сами въ чувство передъ тѣмъ, что они видятъ, что они вдругъ узнали, проснувшись и сбѣжавшись на крикъ того, кто первый нашелъ Оому и его сына. Они только говорили, какъ они услышали вой и лай собакъ, какъ они, засвѣтивъ огонь, вышли и нашли въ сѣняхъ умирающаго безсильнаго старика; они передавали мнѣ, какъ они втащили ихъ въ избу, какъ раздѣвали на этомъ грязномъ полу отъ ихъ смерзшихся страшныхъ одеждъ, полныхъ снѣга, какъ они усадили ихъ на эти нары и дали имъ мяса, чтобы потомъ уже броситься ко мнѣ за помощью... И всѣ ихъ рассказы,

всѣ ихъ слова такъ и врѣзывались въ сердце, мѣшая мнѣ что-нибудь предпринять.

Но, наконецъ, я упросилъ женщинъ бросить стоять бесполезно передъ несчастными и разогрѣть лучше поскорѣе воды, чтобы заварить чай; потомъ я попросилъ помочь мнѣ—дать имъ хотя по одному глотку краснаго вина, чтобы согрѣть ихъ дрожащее, замерзшее тѣло, которое самоѣды напрасно хотѣли отогрѣть оленьими шкурами, накинувъ на ихъ голыя худыя плечи.

Женщины бросились растоплять печку; я сталъ уговаривать старика Тому не ѣсть больше мерзлаго мяса и подаль ему первую подвернувшуюся чашку краснаго вина, прося его поскорѣе выпить, чтобы согрѣться.

Бѣдный старикъ, все еще дрожа и всхлипывая отъ рыданій, бросился ко мнѣ, обхватилъ чашку своими отмороженными пальцами и сталъ жадно пить, процѣживая вино между своими зубами... Но вдругъ онъ остановился и со стономъ протянулъ свою руку къ Юдику, вѣроятно, вспомнивъ сына, жизнь котораго ему была, видимо, всего дороже... Я успокоилъ старика, сказавъ, что Юдику дамъ другую чашку, что у меня еще много вина, и Тома снова жадно припалъ къ чашкѣ, едва проглатывая вино, но чувствуя, что въ немъ его спасеніе, его жизнь...

Кое-какъ удалось дать попить немного вина и Юдику, и послѣ того они вдругъ оба впали въ какое-то полузабытѣе, сонъ, немощь, и мы стали ихъ обмывать на полу теплой водой, обтирать ихъ грязное, теперь согрѣвающееся тѣло. Они подчинились всему этому, какъ дѣти, только знаками показывая иногда, что теперь имъ хорошо, что теперь имъ страшно хочется уснуть и забыться.

И скоро, возясь такъ около нихъ, мы согрѣли ихъ окончательно и уложили въ мягкія оленьи постели.

Юдикъ заснулъ моментально, только что его положили, а бѣдный старикъ, казалось, все еще боролся со сномъ и что-то хотѣлъ намъ сказать. Когда я закрывалъ его теплымъ одѣяломъ и нагнулся спросить, не нужно ли ему еще чаю, онъ схватилъ мою руку, сжалъ ее, какъ могъ, своими костлявыми пальцами и пробормоталъ:

— Спасите старуху!.. старуху... осталась... на Карской сторонѣ... Въ снѣгъ мы ее съ Юдикомъ зарыли... Жива ли... не знаю...

Голосъ его оборвался, и онъ снова заплакалъ.

Я совсѣмъ было забылъ про бѣдную бабушку, и его слова страшно поразили меня.

Старикъ сталъ толковать самоѣдамъ, обступившимъ его при этой вѣсти, сталъ называть имъ какую-то рѣчку, какую-то гору, у которыхъ они зарыли старуху.

Самоѣды вдругъ заволновались, заговорили, заохали, и въ то время какъ старикъ засыпалъ, будучи спокоенъ, что спасутъ и старуху, всѣ приступили къ обсужденію вопроса: „какъ мы будемъ спасать старуху, когда она лежитъ въ снѣгу съ нѣсколькими кусками мяса и подохшей любимой своей собачонкой, которую я ей подарилъ этой осенью“. Она лежала верстахъ въ ста; дорогу туда знали немногіе, мѣсто—еще меньше того, и намъ пришлось не мало обсуждать все это, прежде чѣмъ прійти къ рѣшенію немедленно отправить туда двухъ человѣкъ на лучшихъ нашихъ собакахъ.

Я собралъ все, что необходимо для первой помощи, и утромъ, какъ только стала брезжить заря, мы проводили своихъ развѣдчиковъ въ дорогу на парѣ

санокъ, которыя скользнули по мягкому снѣгу только что стихшаго бурана и быстро исчезли въ темнотѣ.

Намъ стало спокойнѣе: мы вѣрили, что они ее отыщутъ. Больные наши спали, и мы отправились всѣ въ нашъ маленькій храмъ помолиться Богу, чтобы Онъ не далъ и этой бѣдной душѣ умереть одной на берегу Карскаго моря.

Помню, служба нашего добраго миссіонера произвела на насъ сильное впечатлѣніе: мы словно кого хоронили, и слезы бѣжали сами собой, когда мы молились всѣ объ этой старухѣ, гдѣ-то за сотню верстъ зарытой живой въ снѣгу и теперь ожидающей нашей помощи, прислушиваясь къ вою вѣтра.

Но, вѣроятно, мы плохо молились: послѣ полудня снова заревѣла буря; въ воздухѣ закружился снѣгъ; на дворѣ стало темно, какъ ночью, такъ что, кажется, не вышелъ бы на улицу и на десять сажень отъ дома.

Вечеромъ буря разыгралась настолько, что у всѣхъ была одна мысль, что наши развѣдчики погибнутъ. Женщины плакали, дѣти не знали, что дѣлать, а самоѣды толковали, вспоминая, какъ трудно въ такое время бываетъ въ дорогѣ. Мнѣ было такъ же страшно оставаться съ мрачными думами одному, какъ слушать ихъ рассказы про тѣ страданія, какія выносятъ они въ такія погоды, застигнутые бурей въ пути.

Я долго не могъ уснуть въ эту ночь, прислушиваясь къ бурѣ. Крыша дома трещала, печка вздрагивала; окна такъ обхватывало снѣгомъ, словно въ нихъ кто бросалъ его лопатами. По комнатѣ, казалось, ходили вихри, и огонекъ моей лампы бросался въ разныя стороны, разбрасывая тѣни по всему кабинету. Какъ вдругъ ночью ко мнѣ снова, какъ и вчера, вбѣгаетъ женщина и говорить:

— Воротились наши!.. Чуть сами не попали въ погоду... собакъ потеряли. Бѣда, какая погода!..

И прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить со сна, что такое случилось, она уже убѣжала къ миссіонеру съ этой вѣстью.

Выскакиваю изъ комнаты, бѣгу на дворъ и застаю тамъ группу самоѣдовъ, среди которой стоятъ съ шестами въ рукахъ два нашихъ развѣдчика, занесенные съ ногъ до головы снѣгомъ, и рассказываютъ остальнымъ, какъ они блудили, какъ, наконецъ, выбившись изъ силъ, остановились, чтобы зарыться въ снѣгъ и переждать бурю, и какъ потомъ, спустивши собакъ, потеряли нѣкоторыхъ изъ нихъ, потому что бѣдныя животныя, сбитыя съ толку бурей, не зная, что дѣлать, бросились въ горы и пропали тамъ безслѣдно. Рассказывая это, они больше всего жалѣли одного чернаго мохнатого водолаза, котораго только что этой осенью я вывезъ изъ Архангельска и который страшно вылъ, когда увидалъ, что пароходъ уходитъ безъ него въ море: водолазъ словно предчувствовалъ, что ему не воротиться больше съ этого полярнаго острова къ теплomu югу.

Потерявъ нѣсколько собакъ, самоѣды, разумѣется, не могли дальше пуститься въ дорогу и воротились, чтобы запасть свѣжими собаками. Мы обогрѣли ихъ, снабдили еще кое-чѣмъ на всякій случай, и они утромъ снова отправились въ путь на розыски бѣдной старухи. Наступило снова томительное ожиданіе.

VI.

Больные были въ забытьѣ. Они спали цѣлыми сутками, словно наверстывая время, которое они проводили безъ сна, голодные, въ дорогѣ. Но въ то

время, когда старикъ поправлялся и, просыпаясь, хватался за пищу, бѣдный Юдикъ терялъ силы съ каждымъ днемъ, почти совсѣмъ отказываясь ѣсть что-либо.

Теперь онъ по временамъ приходилъ въ сознаніе, улыбался мнѣ, когда я сидѣлъ около его постели, слушалъ мою рѣчь, узнавалъ людей; но какъ только вспоминалъ, что нѣтъ около него матери, которую онъ, помнить, оставилъ живой въ снѣгу, на берегу Карскаго моря, онъ начиналъ безпомощно метаться въ постели, стоналъ, обливался слезами и засыпалъ только тогда, когда впадалъ въ счастливое для него теперь забытье.

У насъ разрывалось сердце при видѣ его горя, и мы думали только о томъ, чтобы поскорѣе его успокоить: мы видѣли, какъ таетъ его жизнь; мы догадывались, что онъ уже у могилы, и теперь желали только одного, чтобы онъ передъ смертью увидалъ свою мать, прижалъ бы ее къ сердцу. Но ея все не было, и наши посланные все не возвращались...

Въ то время какъ Юдикъ болѣлъ, не вставая уже съ постели, старикъ, его отецъ, скоро поправился. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ, все еще хилый, все еще трясущійся, словно онъ промерзъ уже навсегда на морозѣ, все еще съ испуганнымъ, дикимъ взглядомъ, и рассказалъ, что было съ ними на Карскомъ берегу послѣ того, какъ они съ нами простились и отправились искать оленей.

VII.

Они ушли отъ насъ тогда съ небольшимъ запасомъ хлѣба, надѣясь исключительно на тѣхъ оленей, которые имъ встрѣтятся на пути и на берегу Карскаго моря. Но вотъ они прошли поперекъ весь островъ и не видали въ горахъ даже слѣда оленей;

вотъ они приходятъ на берегъ моря—и тутъ тоже нѣтъ ихъ и признаковъ. Море замерзло, какъ и здѣсь; на тюленей нѣтъ надежды, бѣлыхъ медвѣдей нѣтъ и слѣда, и даже песцы, маленькія полярныя лисички, которыя обыкновенно любятъ бѣгать по ночамъ около жилища человѣка, желая что-нибудь утащить съѣдобнаго,—и тѣ куда-то убѣжали прочь, вѣроятно, почувавъ голодь.

Юдикъ съ отцомъ призадумываются, но, однако, ставятъ чумъ на берегу моря, чистятъ ружья и отправляются на другой день на промыселъ, думая еще отыскать оленей. Но сколько они ни бродятъ по глубокому снѣгу, нѣтъ даже слѣда оленей. Тогда они снимаются и идутъ дальше къ сѣверу, полагая, что туда перекочевалъ олень. А между тѣмъ маленькіе дни съ одной зарей становятся еще меньше; наступаетъ почти безпросвѣтная ночь, а бури дѣлаются одна послѣ другой ожесточеннѣе, страшнѣе... Подвигаться по глубокому снѣгу трудно. Проходитъ недѣля за недѣлей, бури еще страшнѣй, провизія выходитъ, и путники уже сами тащатъ съ собаками свои санки, побросавъ все лишнее, что было тяжело и бесполезно. Скоро собакамъ перестали давать хлѣба; скоро онѣ совсѣмъ отказались тащить санки старика Өомы, гдѣ у него лежалъ чумъ—единственное ихъ пристанище и надежда въ бурю. И вотъ старикъ со слезами на глазахъ закололъ одну собаку и отдалъ ее другимъ, чтобы онѣ подкрѣпили свои силы и помогли ему тащить чумъ.

Но собаки не захотѣли ѣсть своего брата и только сѣли кругомъ его и такъ страшно завывли, что старикъ готовъ былъ провалиться сквозь землю отъ этого страшнаго воя, который словно предсказывалъ ему горькую участь...

Послѣ этого стала пропадать одна собака за другой. Старикъ съ Юдикомъ въ ужасѣ тащили санки уже одни. Снѣгъ былъ очень глубокъ, и, выбившись изъ силъ, они подвигались такъ медленно, что дѣлали только по пяти-шести верстъ въ сутки, оставляя каждый день за собой въ снѣгу мертвую собаку. Это было ужасно: они теряли тѣхъ, на кого еще была надежда. Вмѣсто того, чтобы спать, они не смыкали глазъ по цѣлой долгой ночи, и утромъ снова или тащили санки или бродили около чума, чтобы хотя что-нибудь достать на промыслѣ, хотя для собакъ немного мяса. Но кругомъ ихъ ни души: островъ словно вымеръ, и даже бѣлой совы и той не было, тогда какъ она почти повсюду встрѣчается на этомъ островѣ. Собаки имъ не давали минуты покоя: прося пищи, онѣ подходили къ нимъ и лизали ихъ руки; онѣ по часамъ сидѣли передъ ними, словно спрашивая, когда все это кончится; онѣ были ночами передъ чумомъ, и было такъ страшно тогда, такъ страшно, что Юдикъ рыдалъ, какъ ребенокъ, а старики затыкали себѣ уши, чтобы не слышать этого воя собакъ, и падали въ постели и тоже плакали. Ночью они не рѣшались даже выходить на дворъ, потому что боялись собакъ, чтобы онѣ ихъ не разорвали, одичавъ съ голода. Наконецъ, собаки почти всѣ перемерли, и осталось у нихъ только двѣ ѣздовыхыхъ и одна маленькая собачка, съ которой бабушка, кажется, тайкомъ дѣлилась послѣдней своей крошкой хлѣба. Приходила пора умирать и старикамъ съ Юдикомъ: хлѣбъ кончался, пищи больше не было, и они питались только сухарями, и то съѣдая ихъ только разъ въ день, послѣ утомительнаго пути. Старикъ Оома рѣшилъ сдѣлать еще одну послѣднюю пробу—

сходить въ горы, и взять съ собою Юдика съ ружьемъ. Идутъ въ горы, залѣзаютъ на одну изъ нихъ повыше, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ оленей, избираются, вглядываются; но передъ ними одна страшная пустыня, которую они никогда не видали; они даже не знаютъ, куда зашли, далеко ли отсюда до нашей колоніи... Упалъ старикъ на мѣстѣ на камень и заплакалъ. Горько стало, тяжело... Сталъ уже думать о смерти и готовъ былъ умереть, да только жаль ему стало Юдика со старухой! Онъ не зналъ, за что они страдаютъ, за что они должны умереть. Какъ вдругъ ему пришла мысль попросить Юдика, чтобы онъ помолился Богу. Мальчикъ палъ на камень и залился безмолвными, тихими слезами... Сколько, какъ молился Юдикъ, старикъ этого не говорилъ, но только когда они стали спускаться съ горы и направились въ свою сторону, вдругъ передъ ними очутился, словно чудомъ какимъ, олень, тощій олень, который прямо шелъ въ ихъ сторону, пошатываясь такъ же, какъ и они съ Юдикомъ, отъ голода... Они не вѣрили сначала глазамъ, они пали оба въ снѣгъ, чтобы онъ ихъ не увидѣлъ: отъ него вѣдь зависѣла ихъ жизнь, въ немъ были ихъ надежды, и старикъ такъ обрадовался, такъ былъ взволнованъ, что даже отказался первый стрѣлять, предоставивъ все сыну, говоря, что это его услышалъ Богъ и великій угодникъ Божій Николай Чудотворецъ. Нужно замѣтить, что дикари, погибая, всегда зовутъ къ себѣ и молятся о помощи Николаю Чудотворцу. Случилось такъ, что они убили этого оленя, и тутъ, у трупца его, Юдикъ въ радости повѣрилъ своему бѣдному, измученному отцу, что тотъ просилъ объ этомъ Николая Чудотворца и общалъ ему за это свѣчу.

Я не буду описывать ихъ радости, — она понятна.

Они дотащили почти цѣликомъ этого оленя до своего чума, и первое, что сдѣлали, накормили оставшихся собакъ, которыя встрѣтили ихъ еще далеко отъ чума, уже слыша кровь звѣря.

Этотъ тощій олень былъ ихъ спасеніемъ. Они потащились теперь въ горы, чтобы пересѣчь ихъ и попасть къ намъ въ колонію; но случилось не совсемъ такъ, какъ они предполагали.

Бѣда шла за ними по пятамъ: снѣгъ оказался такимъ глубокимъ, что не было силъ двигаться; оленя хватило не надолго: его почти всего поѣли собаки. Наступилъ опять голодъ; собаки окончательно примерли, умеръ и маленькій песъ старухи; но она не рѣшилась бросить его на пути, какъ другихъ собакъ, и почему-то тащила трупъ его за пазухой, словно еще надѣясь, что онъ оживетъ...

Наконецъ, въ горахъ они выбились изъ силъ, санки стали, и старуха приказала имъ зарыть себя въ снѣгу, чтобы самимъ добраться до колоніи. Это былъ единственный исходъ. Она не боялась смерти, она хотѣла, чтобы былъ спасенъ только ея сынъ, и благословила его въ путь, увѣряя, что она продержится живою долго, пока они не возвратятся изъ колоніи. И они зарыли ее въ снѣгу, въ сугробъ; а чтобы не потерять ея среди этой пустыни, поставили надъ ней шестъ, такъ какъ ее могло всю занести снѣгомъ. Было ужасно, когда они прощались и съ рыданьями уходили отъ этой живой могилы.

Какъ они шли въ горахъ, какъ они тамъ ночевали, какъ страдали отъ голода и бурь, какъ блудили,—они уже не помнятъ... Старикъ помнитъ только одно, что Юдикъ не разъ падалъ на снѣгъ и просилъ его бросить; старикъ помнитъ, что Юдикъ не разъ на колѣ-

няхъ умолялъ оставить его, чтобы онъ могъ хотя умереть спокойно, потому что ему было тяжело и холодно; но старикъ не оставилъ его и силой тащилъ его за собой, за руку, или просто волокъ его по снѣгу, когда онъ уже не могъ двигаться самъ. Онъ, какъ олень, вносилъ его на гору; онъ, какъ какую-нибудь вещь, стаскивалъ, волоча за собой, его съ горъ, и въ такомъ видѣ, голодный, усталый, измучившійся, наконецъ, увидѣлъ колонію, подошелъ къ своему дому и тутъ упалъ безъ силъ, только крича, чтобы его спасли отъ смерти. Его силъ хватило только до порога, черезъ который онъ уже проползъ одинъ, оставивъ Юдика почти безъ чувствъ. Онъ не могъ даже постучаться въ двери, такъ какъ совсѣмъ уже лишился силъ. Тутъ его и нашли ночью самоѣды, когда наши собаки подняли лай, заслышавъ чужого человѣка.

VIII.

Только черезъ восемь сутокъ послѣ того, какъ явился Оома съ Юдикомъ, воротились наши посланные.

Былъ вечеръ. У меня сидѣли самоѣды, не переставая на тысячу ладовъ говорить о розыскахъ старухи. Мы думали, что пора ужъ ѣхать разыскивать нашихъ посланцевъ, какъ вдругъ залаяли собаки, имъ откликнулись другія, со стороны,—и къ нашему дому, только-что мы выскочили, подѣхали и остановились санки, на которыхъ завернуть былъ словно трупъ. Это привезли бабушку, и проводники ея сказали намъ, что она еще жива...

Бабушку живо отвязали отъ санокъ и, какъ спеленатаго ребенка, внесли въ домъ.

Когда раскрыли оленьи шкуры, въ которыхъ она была завязана, то старуха оказалась живехонькой

и даже улыбалась. Оказывается, она преблагополучно пролежала въ снѣгу больше недѣли, и только когда пришли къ ней люди, она вообразила, что это бродитъ смерть, и такъ перепугалась, вылѣзши изъ снѣгу, что тутъ же повалилась въ обморокъ, думая, что умираетъ. Ей все мерещилось, что кто-то ходить вблизи; она часто выползала и подолгу сидѣла у своей норы, вглядываясь въ горы; ей все слышались колокольчики, скрипъ снѣга, лай собакъ; къ ней не разъ прибѣгали бѣлыя лисички, и она была такъ рада имъ, что кормила ихъ, бросая чуть ли не послѣдніе куски мяса, которое она берегла себѣ... И ей жаль было, когда лисички убѣгали въ горы, хотя она хорошо знала, что умри она—и онѣ будутъ обглаживать ей носъ, уши и потомъ къ веснѣ, теплой веснѣ, съѣдятъ ее всю, не оставятъ даже косточки на мѣстѣ. Порой ей слышалось, что около нея ходитъ бѣлый медвѣдь, нюхаетъ ея снѣжную хижину, и она замирала отъ страха. Порой она засыпала, и ей снилось, что она въ теплѣ. со своимъ Юдикомъ, и слушаетъ, какъ онъ читаетъ вмѣстѣ съ старикомъ псалтирь, хотя это былъ только однообразный шумъ бури, которая выла надъ нею цѣлыми сутками, занося ее еще глубже въ эту молчаливую, снѣжную могилу. Она говорила, что ей совсѣмъ не было такъ страшно, какъ мы предполагали: она ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что ее спасутъ; она вѣрила, что старикъ доплетется до колоніи, и только жалѣла, сильно жалѣла, и боялась за Юдика, котораго страшно любила. И только что ее раскутали, только-что ее распеленали отъ оленьихъ шкуръ, какъ она бросилась къ Юдику и пала на его раскрытую грудь.

Юдикъ уже былъ слабъ, онъ почти не узнавалъ ее, разметавшись въ горячкѣ, которая его захватила послѣ всего перенесеннаго; онъ только что-то шепталъ въ бреду, чего понять уже было невозможно.

Было тяжело видѣть эту мать-старушку у постели своего сына. Она не отходила болѣе отъ него ни на минуту, и, заходя въ ихъ чумъ, часто можно было видѣть, какъ блѣдные старики сидѣли у постели сына, не сводя съ него глазъ, думая какую-то грустную одну и ту же думу.

Черезъ недѣлю Юдика соборовали. Онъ былъ уже окончательно слабъ.

Какъ сейчасъ помню, какъ выгоняли самоѣды изъ чума всѣхъ собакъ, которыя обыкновенно живутъ вмѣстѣ съ людьми; какъ сейчасъ помню, какъ собрался весь народъ, наполнилъ чумъ и молча столпился около кровати больного мальчика, съ грустью смотря на его блѣдное лицо, раскрытую блѣлую грудь и тощія руки, сложенные на груди въ какомъ-то забытѣ, когда глаза его уже безучастно смотрѣли въ небо. Всѣ зажгли и взяли въ руки свои свѣчи, и началось великое таинство елеосвященія, которое напутствуетъ человѣка въ другой міръ. Не хотѣлось вѣрить, что мы теряемъ такого юнаго мальчика, который еще не видѣлъ почти свѣта; жутко было видѣть его, покидающаго нашъ свѣтъ.

Той же ночью, послѣ соборованія, Юдикъ тихо скончался.

IX.

Буря сразу стихла, и утромъ, когда мы проснулись, была такая тихая, теплая погода, вѣтерокъ съ юга принесъ такую оттепель, съ моря доносился

такой тихій ропотъ волнъ, что словно все, что мы только пережили, былъ сонъ, а не дѣйствительность; и казалось, — доживи нашъ бѣдный Юдикъ до этого утра, вдохни этотъ соленый, освѣжающій теплый воздухъ, передъ которымъ такъ чутко раскрывается грудь, — и къ нему бы воротились силы, и злой недугъ оставилъ бы слабый, истощенный его организмъ.

Но Юдика уже не существовало: его трупъ лежалъ въ переднемъ углу, и старикъ, его отецъ, уныло, монотонно читалъ у его изголовья псалтирь, засаленную псалтирь, которую онъ словно только для того и выучился читать, чтобы прочесть ее передъ трупомъ своего сына.

Но оттепели, оттепели, которой мы всѣ такъ обрадовались, хватило только всего на одинъ короткій день: ночью наступила страшная стужа, снова завылъ буранъ и еще ожесточеннѣе завывали вихри, срываясь съ горъ и заноса окончательно снѣгомъ нашу одинокую колонію.

И немудрено: была середина полярной ночи; мы уже полтора мѣсяца не видѣли солнышка; море замерзло и точно ушло отъ насъ далеко-далеко, а кругомъ была такая темнота, глухая, страшная, что, казалось, земля уже перевернулась, и къ намъ никогда не воротится красное солнышко съ его золотистыми лучами.

Самоѣды упали духомъ, боялись выходить на улицу, чувствуя, что поблизости, какъ звѣрь, ходить смерть; нѣкоторые даже заболѣли, и цынга, — страшная болѣзнь сѣвера, когда человѣкъ погружается въ невольный сонъ и такъ и умираетъ, заживо разлагаясь, — вотъ-вотъ, казалось, захватитъ насъ, и мы вымеремъ всѣ, какъ это случалось не разъ съ экипа-

жами морскихъ судовъ, которые останавливаются зимовать у этого полярнаго острова.

Смерть Юдика, казалось, только была началомъ; всѣ ждали, что туда же, въ могилу, пойдутъ и старики, затѣмъ заболѣютъ съ тоски и ужаса другіе, и будетъ общая паника, общая повальная смерть. Поднять духъ стариковъ было трудно. Въ ихъ чумѣ все говорило о смерти: сколачивали изъ досокъ гробъ, дѣлали приготовленія къ похоронамъ, копали могилу, и, заходя туда въ какое-угодно время ночи, можно было слышать только одно монотонное чтеніе старика Оомы, который, казалось, забывался въ этомъ чтеніи, читая у трупа Юдика, не переставая, день и ночь.

Тутъ же, около Юдика, всегда сидѣла и его бѣдная мать, не сводя глазъ съ его воскового блѣднаго лица.

Было ужасно видѣть эти двѣ фигуры, тощія, потерянные въ горѣ, словно ушедшія всѣмъ своимъ существомъ въ эту вытянувшуюся фигуру бѣднаго мальчика, освѣщаемаго лампадой.

Какъ мы ни торопились поскорѣе схоронить Юдика, это было невозможно. Старики не хотѣли съ нимъ разставаться; Оома непременно хотѣлъ прочитывать всю псалтирь, которую бы ему хватило еще на добрую недѣлю, такъ какъ онъ съ трудомъ разбиралъ слова, потерявъ окончательно зрѣніе и вооружившись уже стекломъ отъ моего стараго бинокля. Могилу выкопать не было никакой возможности, потому что земля была мерзла, какъ камень, и мы рѣшили просто отпѣть Юдика и поставить пока до весны его гробъ въ сѣни, чтобы сохранить его тамъ до весны, что часто дѣлаютъ самоѣды. Они обыкновенно зарываютъ въ такихъ случаяхъ покойниковъ до весны въ снѣжный сугробъ. Мы то же хотѣли

сдѣлать и съ Юдикомъ, но старики рѣшительно воспротивились, страшно боясь, чтобы туда не повадились бѣгающіе ночами кругомъ песцы и не поѣли что у бѣднаго Юдика. И мы поставили гробъ его въ сѣни.

Это страшно всѣхъ беспокоило: суевѣрные самоѣды боялись выходить ночью на улицу; дѣти дрожали отъ страха, проходя мимо мѣста, гдѣ стоялъ гробъ; но всѣхъ тяжелѣе было старикамъ, которые почти не отходили отъ гроба день и ночь, сидя на крылечкѣ даже въ погоду и безучастно смотря передъ собой въ море.

Такъ прошло нѣсколько недѣль, такъ мы встрѣтили снова появившееся солнышко, такъ мы встрѣтили первые признаки весны, и только тогда, при свѣтѣ солнца, когда оно въ первый разъ облило этотъ островъ своими красными лучами, была, наконецъ, выкопана около нашей колоніи могила и былъ поставленъ большой крестъ надъ могилой Юдика, который смастерилъ, чудно смастерилъ ему самъ старикъ Тома Вылка.

Съ появленіемъ дня все измѣнилось въ природѣ: солнце день-отъ-дня стало больше и больше оставаться на горизонтѣ, появились первыя прилетныя птички, въ открытомъ морѣ снова загудѣлъ птичій міръ, на голой черной скалѣ запѣлъ снѣжный бѣлый жаворонокъ, въ синемъ небѣ закружился орелъ, ледъ унесло, и у берега заплескалось море, и снова наступила чудная пора этого острова, когда онъ вдругъ пробуждается отъ сна, словно желая наверстать потерянное время.

Только не просыпался одинъ Юдикъ, и у могилы его каждое утро можно было видѣть пару дряхлыхъ стариковъ, которые молча, о чемъ-то думая, смотрѣли въ море.
